

5. Daniel Rabreau, Claude -Nicolas Ledoux (1736-1806), L'architecture et les fastes du temps, Annales du Centre Ledoux, tome III, Paris-Bordeaux, 2000, p. 131.
6. Шубенков М.В. Геометрические закономерности формообразования архитектурных объектов: Отчет о научных исследованиях за 2005 г. – Библиотека ВНИИТАГ, 2005. – 144 с.
7. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. / в 2-х томах. – М.: Стройиздат, 1979. – 421 с.
8. March L. and Steadman, P. The Geometry of Environment. // R.I.B.A. Publications, 1971. p. 335

Аннотация

В статье рассматривается использование символа и символизации в теоретических исследованиях эпохи Просвещения (XVIII – нач XIX ст.). Особое внимание уделено теоретическим работам К. Н. Леду, Э. Булле.

Ключевые слова: символ, символизм, теория архитектуры, эпоха Просвещения.

Annotation

The article discusses the use of symbol and symbolization in theoretical studies of the Enlightenment (XVIII - early XIX century). Particular attention is paid to the theoretical work K.N. Ledu, E. Bulle.

Keywords: symbol, symbolism, theory of architecture, the era of Enlightenment.

УДК 72.01

М.Ю. Блинова,

канд. арх., ассистент кафедры Дизайн архитектурной среды ХГТУСА

АРХИТЕКТУРА И КОММУНИКАЦИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу современных проблем теории архитектуры связанных с ситуацией коммуникативной глобализации в мировой культуре. Обоснована актуальность формирования новой теоретической модели архитектуры – коммуникативной.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная модель архитектуры, феноменологический подход.

Постановка проблеми. Коммуникативность есть специфическая черта новой культуры постиндустриального общества. Повсеместное распространение мощных технических средств связи, мгновенная доступность информации раскрывает перед каждым человеком широкие возможности общения и взаимодействия с окружающим миром - разными национальными культурами, разными политическими системами, религиями, социальными группами. И такое значительное изменение в самом способе существования цивилизации является серьезным культурным фактором и носит столь большой культурный смысл, что не может не отразиться на развитии и осмыслении всех видов человеческой деятельности не исключая и архитектуру. Т.к. архитектура не только является той предметно-пространственной средой, где происходит коммуникация, но и опосредует ее в той или иной мере как участник коммуникативного процесса. Такая посредническая функция была присуща архитектуре всегда, но в более узких рамках конкретного локального социокультурного универсума, архитектура, опосредуя человеческую коммуникацию, передает ей универсальные неизменные для данного общества аспекты культурного мифа. Сегодня же, в условиях глобальной межкультурной коммуникации такие рамки практически перестали существовать, в архитектуре назрело противоречие наиболее остро сформулированное А.Г. Раппапортом: «В коммуникативной ситуации архитектура уже не может выражать ценности одной из сторон, она должна стать моделью самой этой коммуникации и только в таком случае ее миссия окажется не противоречащей этосу общения» [1, с. 160].

На настоящий момент в современной архитектуре уже можно наблюдать такую тенденцию коммуникативной глобализации. Одним из путей ее реализации является создание таких форм, которым не присущи локальные культурные особенности, и которые можно назвать нейтральными или «космополитичными». Второй путь можно усмотреть в творчестве наиболее известных архитекторов современности (Н.Фостер, Д.Либескинд, З.Хадид, Ф.Старк), которые выработали свой собственный стиль (часто называемый в прессе «космополитичным») и работают с ним по всему миру.

Таким образом, проблема становления опосредующей архитектуры в межкультурных и межличностных контактах выражающей базовые мифологемы глобальной коммуникативной культуры является на сегодняшний день одной из наиболее актуальных. Такая постановка проблемы порождает множество вопросов связанных с соотношением в такой модели архитектуры трансляции и коммуникации, вечного и исторического, универсального и уникального [1].

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема коммуникативного аспекта архитектуры частично рассматривалась представителями различных областей научного знания. Наиболее остро затрагивает ее в своих исследованиях по семиотике Умберто Эко [2]. Кр. Норберг-Шульц разработал теорию организации пространства, в которой базовыми составляющими являются скрытые от сознания, но определяющие поведение людей значения пространственных форм, образующие область так называемой «неявной культуры» [3]. Большое внимание экологическому и экономическому аспекту проблемы уделяет в своих работах В.Л. Глазычев [4].

Необходимо также отметить современные исследования, в той или иной степени затрагивающие проблему коммуникации в архитектуре. Так в работах Ю. С. Янковской рассматривается коммуникативная функция архитектурного образа с позиций феноменологии, а также прикладной аспект межсубъектного взаимодействия в архитектурном проектировании [5].

Также следует отметить исследования В. И. Иовлева посвященные анализу экопсихологических проблем, возникающих в процессе взаимодействия человека с архитектурной средой; труды Е.Я. Басина и Э. Лича посвященные исследованиям коммуникации в сфере культуры и искусства [6, 7, 8].

Формирование цели статьи. Обозначение проблематики коммуникативного аспекта архитектуры в современной ситуации культурной глобализации, как предпосылки к исследованию коммуникативного аспекта архитектуры.

Результаты исследований. Большой интерес в раскрытии поставленной проблемы представляет само понимание и осознание феномена коммуникации. В современной науке базовая модель содержит: источник сообщения, передающее устройство, само сообщение, принимающее устройство и получателя сообщения. Однако, говоря о базовой модели коммуникации Рене Якобсона, необходимо отметить, что еще М.Ю.Лотман указывал, что «... автоматическое перенесение существующих уже представлений на область культуры вызывает ряд трудностей. Основная из них следующая: в механике культуры коммуникация осуществляется минимум по двум, устроенным различным образом, каналам» [9. С. 23]. Также буквальное применение этой модели к архитектуре недопустимо хотя бы по тем причинам, что, во-первых: коды могут и не принадлежать к одной культуре; а во-вторых: архитектура подразумевает творчество, которое не до конца является продуктом вербального мышления, но также и пластического; в-третьих: данная модель ограничена сознательным восприятием текста и не учитывает эмоциональный аспект.

Видится уместным расширить данную модель и учесть в ней такую категорию творчества как пластическое мышление. До сих пор в плане творчества архитектура видится больше как техническая дисциплина, в рамках которой основное место занимает рациональное вербальное мышление. Пластика же и эмоции в основном упоминаются лишь в анализе восприятия архитектуры зрителем, однако и в этом случае в схемах коммуникации им не находится места – считается, что всякий текст хоть и опосредуется чувствами и пониманием обращен непосредственно к сознанию воспринимающего. Однако «... архитектура, как и другие виды искусства, обращается не столько к разуму, сколько к чувству. Она никак не может быть сведена к умозрительным калькуляциям культурных значений или абстрактным ценностям вроде совершенных пропорций» [10, с. 15]. Также применительно к архитектуре должна существовать и коммуникативная модель трансляции, отражающая понятие нормы с одной стороны и наличие надкультурных мифологических смыслов с другой. Это предположение основывается на положении психологии о том, что «в основе множества дифференциальных эмоций лежит существенно меньшее число тесно связанных со своей первичной инстинктивной основой фундаментальных эмоций, присущих всем людям независимо от их социального опыта и считающихся межкультурными феноменами» [10, с.58]. Так же проблематизируя коммуникативную модель архитектуры как отражающую тенденции культурной глобализации необходимо учитывать аксеологический аспект и связанную с ним категорию смысла. Если опираться на тезис, выдвинутый А.Г. Раппапортом об внеисторичности морфологии и феноменологии архитектуры и историчности семантики, совпадающей с функциональным освоением морфологических структур, то данная категория становится ключевой в понимании развертывающейся сегодня тенденции [1, с. 155 - 165].

Цели коммуникации напрямую зависят от ценностей и смыслов, актуальных для данного общества в данный период времени и дублируют их во всех областях деятельности. Исходной причиной, по которой люди вступают в коммуникацию, являются потребности человека или общности людей: личные, социальные, экономические и творческие. Наиболее существенными из них принято считать: выживание, осознание мира и личного опыта в нем (во что мы верим, что думаем о себе, об отношениях с другими людьми, о том, что является истинным), личные потребности, поддержание отношений с другими людьми, убеждение других действовать или думать каким-либо образом, осуществление власти над другими людьми, получение и сообщение информации, проявление творческой природы и воображения. Поскольку в восприятии архитектуры первичен эмоциональный отклик, то архитектура

оценивается субъектом восприятия в зависимости от эмоционального чувства, которое она вызывает. Ввиду того, что «эмоции – это субъективная реакция на меру удовлетворения потребностей» и эмоциональный комфорт прямо зависит от степени удовлетворения этих потребностей, т.е. насколько полно архитектурная среда соответствует субъективным и объективным потребностям конкретного индивида и общества в целом [13, с. 64]. Определение такого списка потребностей и меры их удовлетворения достаточно сложная задача, в корне которой можно также наметить вопрос ценностей, которые лежат в основе этих потребностей. Через понятие потребностей мы приходим к понятию потребления в архитектуре, осмысление предпочтений современного массового общества даст некоторое понимание основных ценностей и потребностей, которые лежат в основе потребления. Возможно, рассмотрение проблемы противостояния массовой и элитарной культуры как универсального и индивидуального даст толчок к пониманию глобального и локального в архитектуре.

Принципиальное значение для данной работы имеет феноменологический подход в рассмотрении архитектурного объекта как переживаемого человеком в процессе взаимодействия, фундамент которого был заложен А.Г. Габричевским в начале XIX века, а так же опирается на базовые положения феноменологии Э. Гуссерля и их развитие в работах М. Мерло-Понти и феноменологической психологии К. Роджерса. В русле этого подхода формообразование рассматривается, прежде всего, как создание архитектурного объекта как системы восприятий и интерпретаций, который определяет и фиксирует отношение к базовым ценностям культуры и чувственно переживается в процессе взаимодействия. Такой подход принципиально важен для исследования коммуникативного аспекта в архитектуре, т.к. опирается на смысловое содержание непосредственных впечатлений и переживаний от нее. Так же на основании выводов Гуссерля о том, что человеческий опыт опирается на совокупность начальных смыслов, данных сознанию как непосредственная основа всего дальнейшего смыслообразования, видится необходимым поставить вопрос о смысловой непрерывности и естественной трансляции этих смыслов в архитектуре, найти не связанный со словом уровень смыслообразования, в рамках феноменологического подхода.

Такой подход противостоит традиционному представлению, в котором архитектура является бытийной данностью противостоящей человеку в его деятельности и эту деятельность обуславливающую.

Архитектурные смыслы, которые должны передаваться посредством «языка» архитектуры являются достаточно важной и проблемной категорией.

Именно здесь возникают существенные затруднения и у архитектурной семиотики и у архитектурной герменевтики, которые характеризуются подчеркнутым И.А. Добрициной "интерпретативным" мышлением. Предметом интерпретации оказывается, как правило, знак или символ, в котором различается означающее или выражение и означаемое или содержание (иногда называемое смыслом). Основным затруднением при этом есть рассмотрение архитектурной формы и композиции вне связи с порождающими их культурно-историческими и психологическими типами восприятия, безотносительно ситуативного контекста, в котором эти формы обретают свои определенные значения и более широкий смысловой диапазон.

В связи с основным направлением исследования коммуникативного аспекта архитектуры и утверждением, что архитектурный объект не просто воспринимается, но переживается в процессе восприятия, видится необходимым обратить внимание на то, что всякое восприятие опосредуется пониманием. Сам феномен понимания хотя и складывается из разных интерпретаций, но не исчерпывается ими – и эта категория тоже является достаточно проблемной и неисследованной в теории архитектуры. Такая постановка проблемы порождает также вопросы о специфических смыслопорождающих и смыслоорганизующих средствах архитектуры – попытки осмыслить это предпринимались еще Норберг-Шульцем в книге под названием «Смысл в архитектуре».

Выводы. Весь ряд вышперечисленных и смежных проблем обусловленных опосредующим положением архитектуры в межкультурных и межличностных контактах и выражающей базовые мифологемы глобальной коммуникативной культуры видится возможным хотя бы частично разрешить за счет разработки коммуникативной модели архитектуры. При этом ключевым пониманием коммуникации в рамках предприняемого исследования будет определение, данное английским литературным критиком И.А. Ричардсом: «Коммуникация имеет место, когда одно человеческое сознание так действует на окружающую среду, что это влияние испытывает другое человеческое сознание, и в этом другом сознании возникает опыт, который подобен опыту в первом сознании, и вызван в какой-то мере первым опытом» [Цит. по 14, с. 14]. Наиболее важным моментом в таком понимании видится не замкнутость коммуникации на языке (коммуникация не дана в языке натурально), а ориентация, прежде всего на деятельность.

Список літератури

1. Раппапорт А.Г. Форма в архітектурі: Проблеми теорії і методології / ВНИИ теорії архітектури і градостроїтельства / А.Г. Раппапорт, Г. Ю. Сомов. – М.: Стройиздат, 1990. - 342,[2] с.ил. - Библиогр.: с. 335-343.
2. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / Пер. с ит. В. Резник и А. Погоняйло. - СПб.: Symposium, 2004. - 538.
3. Norberg-Schulz Ch. Meaning in Western Architecture. - New York, 1975.
4. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. – Стройиздат, 1984. – 176 с. Библиогр. в примеч. в конце глав.
5. Янковская Ю. С. Образ и морфология архитектурного объекта. – Екатеринбург: Архитектон, 2004. – 91с.: ил.
6. Иовлев В. И. Экопсихология для архитекторов: процесс и форма. - Екатеринбург: Архитектон, 1996.- 304 с.
7. Басин Е.Я. Искусство и коммуникация. - М., МОНФ, 1999. - 239 с.
8. Лич Эдмунд. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов.. Пер. с англ. — М.: «Восточная литература» РАН, 2001. — 142 с.
9. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. - СПб., 1998. - С. 19 – 43.
10. Архитектура и эмоциональный мир человека / Под общей ред. проф. Г.Б. Минервина. – М.: Стройиздат, 1985. – 208 с.
11. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 173 с.

Анотація

Стаття присвячена аналізу сучасних проблем теорії архітектури пов'язаних з ситуацією комунікативної глобалізації в світовій культурі. Обґрунтована актуальність формування нової теоретичної моделі архітектури – комунікативної.

Ключові слова: комунікація, комунікативна модель архітектури, феноменологічний підхід.

Abstract

This article analyzes the problems of modern theory of architecture associated with the communicative situation of globalization in world culture. The actuality of forming new theoretical model of the architecture – communication is grounding.

Key words: communication, communicative architecture model, a phenomenological approach.